

Картина мира: философский анализ проблемы

© И.П. Кавинова

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Раскрыта актуальная для использования в педагогической практике проблема освещения основных составляющих картины мира с учетом исторических этапов ее формирования и современного положения дел. Показана неоднозначность соотношения понятий «картина мира» и «феномен реальности». Современная картина мира представлена как «продуктивная» по своим творческим потенциям «эклектика».

Ключевые слова: картина мира, миф, антропоморфизм, циклизм, «стрела времени», механицизм, синергетика, фальсификационизм, эклектика, техносфера.

Многолетнее чтение лекций студентам по теме «Научно-философская картина мира» натолкнуло меня на ряд соображений, которыми хотелось бы поделиться с педагогами-профессионалами, как правило, сталкивающимися с похожими трудностями. Учитывая актуальность данной проблематики для современной концепции образовательного стандарта в области высшего и среднего профессионального образования, а также изменения педагогической парадигмы с формулы «образование на всю жизнь» на прагматическую формулу «образование — это умение принимать решения самостоятельно», важно заострить внимание на наиболее дискуссионных моментах такой области исследования, как современная картина мира и ее основные составляющие.

В настоящее время согласно Государственному образовательному стандарту в программы подготовки и обучения студентов всех учреждений высшего и среднего профессионального образования в качестве одного из обязательных курсов введен курс «Концепции современного естествознания» (либо этот курс включен, как в МГТУ им. Н.Э. Баумана, в программу по «Теории философии»). Неотъемлемым атрибутом данного курса выступает раскрытие сути понятия «картина мира» и тех феноменов реальности, которые за ним стоят.

Новое понимание современной картины мира выражается, как правило, в попытках ряда исследователей представить ее на основе интеграции естественных, гуманитарных и технических знаний. В своих трудах они избирают различные подходы и разнообразные ключевые идеи для освещения этой темы: системный подход и принципы самоорганизации (синергетизм); глобальный эволюционизм и соотнесенность современных концепций естествознания с достижениями современных технологий; связь естественно-научных исследований с их философ-

скими интерпретациями; поэтапный исторический анализ. Имеется также множество противоречивых подходов к толкованию самого понятия «картина мира», что заставляет педагогов пояснять самостоятельно это понятие так, чтобы оно соответствовало культурно-историческому контексту современности.

Однако в наши дни вряд ли у кого-либо могут возникнуть сомнения в том, что концепция целостной интегративной картины мира приобретает особое значение в современных условиях становления информационно-образовательного общества в рамках общей цивилизационной парадигмы (или, как принято сегодня говорить, в условиях образования «инфоноосферы Земли»). Все чаще картина мира рассматривается не как индифферентный к судьбе личности объект исследования, а как комплекс дидактических функций, которые реализуются по мере формирования конкретных личностных и познавательно-практических качеств субъекта образования в процессе его профессионального взросления. Некоторые исследователи называют это процессом формирования «предельного образа мира» у современного образованного человека на фоне складывания информационной памяти человечества, выступающей в форме культуры или набора разнообразных культур [1].

Своеобразным содержательным стержнем этого «предельного образа мира» должна выступить *гуманистическая направленность* в раскрытии сущности картины мира: даже при всей неполноте осуществленности парадигмы преобладания гуманистических ценностей над всеми остальными необходима ориентация хотя бы в процессе образования на преобладание гуманистического идеала над чистым «любопытством» в науке и равнодушными к вопросам нравственности достижениями технического комфорта.

Рассмотрим ряд «неопределенностей», неизбежно возникающих при изложении материала по затронутой теме, которые связаны с реально существующими трудностями: во-первых, это дефиниция самого понятия «картина мира»; во-вторых, это разночтения в толковании таких терминов, как «научная классика, неклассика и неонеклассика»; в-третьих (и это особенно важно), невозможность определить современную картину мира как сугубо научную.

Основываясь на неоднократно прочитанных лекциях по искомой проблематике, подробно разясним все эти «неопределенности», а также, поэтапно раскрывая тему «Формирование научной картины мира», подведем повествование к самой дискуссионной его части — эклектичности современной картины мира, которую, строго говоря, нельзя назвать ни научной, ни мифологической, ни религиозной, но вполне можно охарактеризовать как совмещающую в себе элементы всех этих, как ранее казалось, навсегда изжитых характеристик.

Философская теория базируется на использовании предельно широких по своему объему понятий — категорий. Есть два возможных пути

работы с этими понятиями: определение (дефиниция) их по ведущему признаку (аристотелевский, формальный вариант; эффект сократического «наведения» на общее); определение через свою противоположность (гегельянский вариант использования техники определения в терминах диалектической логики). Всякая работа с понятиями, особенно в теоретической сфере, всегда начинается с дефиниции, что в конечном итоге определяет весь характер дальнейшего исследования (правила, методы, подходы и т. д.).

«Картина мира» принадлежит именно к таким общим понятиям, дефиниция которых всегда размыта. Однако продуктивность работы с «размытыми» понятиями не вызывает сомнений. Вариативность их определения связана с их реальным содержательным богатством при нечеткости ограничения мыслью самого обозначаемого ими феномена. Любое понятие — это фиксированная мысль о предмете; если же предмет (денотат) — сама изменчивая реальность, то задача предельно усложняется.

Представляется, что такого рода понятия нуждаются в неких рабочих дефинициях, создающих и задающих возможное поле исследования. В этом смысле определение, данное понятию «картина мира» автором книги «Астрономическая картина мира и ее творцы» А.И. Еремеевой [2], более тонко угадывает суть проблемы, чем некоторые стремящиеся к полноте философские дефиниции. Основываясь на исследовании, проведенном А.И. Еремеевой, сформулируем собственное относительно простое определение.

Итак, возможна следующая дефиниция: **картина мира** — это существование определенной устойчивой идейной атмосферы в обществе (цивилизации), которая стимулирует появление одних научных проблем (или проблем в области знания), но при этом жестко препятствует появлению других.

Например, в конце XIX в. перед сообществом ученых-биологов сложно было отстаивать точку зрения креационизма, когда эволюционная концепция превалировала в объяснении происхождения живого и человека на планете (вспомним небезызвестный «клуб самоубийц», описанный романтиком Р.Л. Стивенсоном в записках о принце Флоризеле, с упоминанием несчастного будущего самоубийцы, который не мог смириться с мыслью небожественного происхождения человека); однако те же идеи вряд ли пробили бы себе дорогу во времена Галилея. Напротив, сегодня идея креационизма ни у кого не вызовет ироничную улыбку, а идеи синергетизма (теории самоорганизации открытых нелинейных систем) могут иметь как атеистический, так и неатеистический характер (концепции сопряжения различных видов энергий, их согласования). Теория эволюции, например, в наши дни превратилась в синтетическую теорию эволюции (СТЭ). Накопившиеся в ней противоречия требуют пересмотра, но никто из научного сообщества пока на

это не решается. При этом научно-популярные фильмы вообще не подвергают идеи эволюционизма никакому сомнению, а серьезные ученые готовы идти на любые компромиссы, чтобы «спасти» теорию, приблизительно так же, как спасал когда-то основы классической механики один из основателей квантовой механики — Нильс Бор. Не обязательно сжигать на кострах (хотя человечество и такое переживало), достаточно жестко воспроизводить устоявшиеся стереотипы мышления, что, собственно, и создает господствующую идейную атмосферу, чтобы это могло серьезно помешать продвижению новых (часто неожиданных) научных идей.

Вышеприведенные примеры подтверждают возможность и относительную фактологическую обоснованность предложенной дефиниции понятия «картина мира».

Несмотря на мощный вектор консерватизма, который отличает любую цивилизацию, и принимая во внимание характер устойчивой идейной атмосферы картины мира, важно подчеркнуть, что именно своеобразная культурная стабильность (или культурный консерватизм), как это ни парадоксально, не только не препятствует, но и косвенно способствует продвижению новых идей за счет накопления базы информации *внутри* цивилизации. Так осуществляются передача опыта непосредственно от мастера к ученику (все древние цивилизации); ретрансляция знания через различные формы обучения (академия, ликей, схола, средневековый университет); выдвигание новых гипотез при сохранении «жесткого ядра» теорий (современная наука).

Таким образом, картина мира — это вполне насыщаемый содержанием термин для обозначения каких-то наиболее важных диалектических моментов в существовании и развитии человеческих сообществ.

Все классификации, как об этом писал «отец-создатель» логики правильного мышления — Аристотель, неполны по определению. Можно пойти по пути выделения некоего минимума, встречающегося в различных, пересекающихся по своему содержанию, классификациях. В этом случае применительно к нашей теме выделяются три типа картин мира в истории известных нам человеческих цивилизаций: *мифологическая, религиозно-философская и научная* (последнюю возможно дополнить эклектикой).

Первая из названных — *мифологическая* картина мира — хронологически обозначена начиная с первых свидетельств о древнейших цивилизациях (приблизительно III в. до н. э.) до «осевого времени» (VIII–V вв. до н. э.); она складывается в различных древних цивилизациях — китайской, индийской, египетской, вавилонской и пр.

В мифологической картине мира, как правило, преобладают следующие характеристики мира и человека: мифологизм, антропоморфизм, натурализм, временной циклизм, геоцентризм и гилозоизм. Рассмотрим каждую из названных характеристик более подробно.

Мифологизм мышления подразумевает мифологизм как средство трансляции знания и как господствующую идейную атмосферу во всех древних обществах и государствах. Характерной его особенностью является рассмотрение мира как единого «живого» текста: каждый элемент этого мира имеет смысл («реальный символизм», по Н.А. Бердяеву) и при этом «всё во всём есть часть всего» (Анаксагор), то есть по части можно судить о целом (*pars pro toto*), всё связано со всем, Земля же есть смысловой центр — «упование» всех небесных, высших сил (геоцентризм).

Следует особо отметить, что взгляд на мифологию изменился под влиянием открытий, сделанных Генрихом Шлиманом (1822–1890), осуществленных им раскопок легендарного Илиона (Трои) (1882), подтвердивших реальный исторический контекст развития событий в эпических поэмах Гомера. На миф «после Шлимана» взглянули как на зашифрованное свидетельство существования исторического факта.

Культурология XX в., особенно при содействии Ю.М. Лотмана, а также философа А.Ф. Лосева, дала глубокую проработку понятия «миф» и тех феноменов, которые за ним стоят. Применительно к нашей проблеме особенно важно выделить в мифе две его составляющих — вымысел и символ (миф = вымысел + символ), причем если вымысел всегда насыщен художественными образами и сродни искусству, то символ — это зашифрованное «содержание» (знания) о конкретной реальности.

Антропоморфизм можно классифицировать как человекообразность интерпретаций всех окружающих древнего человека реалий — от простейших соотношений (в мире все имеет цель и предназначение, как и целенаправленное существо — человек) до описания стихий и богов — их покровителей. Рассуждения ведутся в этом случае преимущественно по аналогии. Подобный подход еще в IV в. до н. э. критиковал за примитивизм Платон. Однако в XVII в. Ф. Бэкон, назвав антропоморфизм «идолом рода», предупреждал о невозможности полностью избавиться от него в процессе познания. Например, современная палеонтология — это своеобразная форма веры в то, что «любые наши суждения о прошлом есть более или менее вероятные предположения, основанные на интерпретации фактов и событий современности» [3].

Древние цивилизации отличает всепронизывающий органицизм вплоть до фаллических культов.

Физиологизм, или *натурализм*, древних цивилизаций, выражающийся в политеизме — религии многобожия, преобладает во всех древних культурах, за исключением израильтян. Силы природы — природы — обожествляются и очеловечиваются, с чем связано представление об одушевленности универсума (*гилозоизм*).

Циклизм в мифологической картине мира предполагает рассмотрение времени и всех событий во времени как циклического процесса:

сансара у древних индусов, метемпсихоз у орфиков, реинкарнация у латинян, идея «вечного возвращения» в архаическую эпоху у Гераклита и т. д. Важно отметить, что временной циклизм формировал в древних цивилизациях взгляд на прошлое как на золотой век человечества, но не мог породить ни идеи эволюции, ни идеи революции, ни представления о линейном ходе развития исторических событий, т. е. собственно истории в привычном для нас понимании.

Следующий этап в формировании целостной картины мира по предложенной классификации можно назвать зарождением *религиозно-философской* картины мира, хронологически обозначившейся начиная с VIII в. до н. э. («осевого времени», по терминологии К. Ясперса) и пришедшей к относительному завершению в эпоху Нового времени (XVII в.). Различные варианты религиозно-философского освоения реальности начинают формироваться в «осевое время» известной нам человеческой истории. Характерными особенностями религиозно-философских моделей мира являются антропологизм, креационизм и, как следствие его принятия, переход от циклизма к «стреле времени»; присутствуют также космоцентризм с вариациями монотеизма, античный атомизм и средневековый социальный утопизм.

Рассмотрим подробнее наиболее важные для понимания содержательной связи между картинами мира особенности религиозно-философской картины мира.

Антропологизм здесь приходит на смену собой антропоморфизму. Человек разных типов цивилизаций начинает в этот период рефлексировать по поводу себя самого, своего положения в мире, смертности и бессмертия (конфуцианство в Китае, буддизм в Индии, философия в Европе, пророки на Ближнем Востоке).

Преобладающим становится представление о линейном времени, что является во многом результатом принятия идеи творения мира Богом. Следствием креационизма является, по всей видимости, появление идеи нравственного самосовершенствования в европейской культуре, то есть своеобразная эволюция — постепенное, поэтапное восхождение человека к Богу. К XVIII в. эта идея приобретает черты просвещенческого атеизма, в котором Бога заменяет природа (натура), а человека — живой механизм, вполне «достроенный» до своего совершенства, лучший из всех природных механизмов (остается только «исправить» «почву» — общество для его нормального существования). Особенно иллюстративна в этом плане работа философа-просвещенца XVIII в. Ж. Ламетри с характерным названием «Человек-машина» (1747).

Идею поступательного развития вплоть до признания взрывного характера социальных перемен, одной из которых является революция, как и представление об исторической памяти человечества в системе «прошлое — настоящее — будущее», невозможно реализовать в рамках древнего циклизма, но они вполне обоснованы в анизотропном времени.

Парадоксально, но именно идея необратимости во времени сотворенной (тварной) реальности в конечном итоге приводит к формулированию понятия о научном законе, то есть такой повторяющейся, существенной и необходимой связи между явлениями, в которой причина по определению предшествует следствию.

Таким образом, переход человечества к представлению себя в линейном (анизотропном) времени (от сотворения до Страшного суда) продиктовал возможность формулировки научных законов в привычном для нас классическом варианте.

Древний мир знал о существовании политических законов и высоко оценивал значимость закона для человека (философ Аристотель определял человека как «существо политическое», а законодатель Ликург покончил с собой ради сохранения в неизменном виде выработанного им кодекса политических законов для полиса Спарты), однако «номос», то есть закон, у эллинов мыслился как искусственная конструкция: античный мир ничего не знал о законах природы, подчиняющейся, по мнению авторов того времени, либо воле богов, либо принципу телеологизма — целесообразности.

Мифологизированность сознания людей, как и другие особенности предшествующих представлений о мире, в религиозно-философской картине мира полностью не исчезает, но перестает носить преобладающий характер. В этот временной период в европейской культуре намечается тенденция к объективации, рационализации и демократизации знания (античные философские школы, среди них — Академия Платона, Ликей Аристотеля, Сад Эпикура и др., позже — средневековые университеты).

Научная картина мира хронологически складывается как следствие двух «переворотов» в естествознании на рубеже XVI–XVII вв. и XIX–XX вв. Первый этап ее формирования называют обычно *классикой* науки, а второй — *неклассикой*. Современное положение дел (или хронологически — «пост-шестидесятые») интерпретаторы (как и различные учебники по философии науки) характеризуют как *пост-классику*, *неонеклассику* или как ту же *неклассику*. Представляется, что более рационально и обоснованно назвать современную картину мира *эkleктикой*. По разбросу в использовании терминов определение данной картины мира в каком-то смысле составляет нерв науки нашего времени.

Классическая, или первая научная, картина мира в истории человеческой цивилизации складывается на основе четко отработанной системы законов механики И. Ньютона, математически сформулированного им же закона всемирного тяготения, рационализма Декарта, Лейбница, Паскаля, вульгарного материализма Ламетри, Кабаниса, сенсуализма Локка, Гоббса, Кондильяка и тех стереотипов научного мышления, которые приобретают в XVII–XVIII вв. (то есть в эпоху

Нового времени и Просвещения) характер либо деизма (минимизации функций Бога), либо атеизма (антропологический натурализм).

Классический этап формирования науки отличается завидным оптимизмом в гносеологической сфере (нет ничего невозможного ни экстенсивно, ни интенсивно, чего нельзя было бы познать, законы чего открыть и математически их сформулировать). Мир представляется либо четко отлаженным Творцом «небесным механизмом», либо природой с ее неизменными законами. Следовательно, мир можно познать, адекватно описать и с определенной долей вероятности экспериментально эти описания подтвердить. Знаками эпохи становятся ньютонианский тезис «гипотез не измышляю», декартово «то, что не математизировано, то не истинно» и само понятие «критического эксперимента». Для И. Ньютона, как и для большинства ученых его времени, девизом было: «Платон — друг, Аристотель — друг, но главный друг — истина» [4]. Тезис позитивиста О. Конта «Главное в науке — ответить не на вопрос «почему», а на вопрос «как» становится руководящим в гносеологии к концу XIX в.

Классика сегодня отождествляется некоторыми эпистемологами с жестко детерминированной, механистической картиной мира. Однако в 80-е гг. XIX в. формируются также диалектико-материалистические подходы в естествознании (Ф. Энгельс). Диалектиками делается попытка избежать редуccionизма вульгарного материализма. Однако общим как для механицистов, так и для диалектиков является сведение (та же редукция) науки к понятию классического закона. Можно сказать, что оба направления в научной методологии придерживаются тождества науки и закона (исключение из правила в тот период составляют лишь махисты, подчеркивающие роль субъективного опыта в познании).

Теперь попробуем смоделировать основные характеристики мира с точки зрения научной классики: гелиоцентризм окончательно побеждает геоцентризм (труды Дж. Бруно, Н. Коперника, Г. Галилея, И. Кеплера и др.); движение рассматривается как имеющее универсальный характер; открыты законы сохранения количества движения, вещества и энергии; из двух моделей пространства и времени (Ньютона и Лейбница) предпочтение отдано субстанциональной модели Ньютона, что диктует рассмотрение Вселенной как открытой стационарной системы.

В полемике Лейбница и Кларка (представителя ньютонианской точки зрения) в классическую эпоху победила ньютонианская физика. Однако уже во второй половине XIX в. диалектики-материалисты стали настаивать на рассмотрении пространства и времени в качестве основных атрибутов материального мира. И хотя их выводы носили более идеологический, чем научный, характер, на рубеже XIX–XX вв. изменения во взгляде на основные физические константы повлекло

новые предпочтения. Можно сказать, что Лейбниц взял верх над Ньютоном: релятивистская трактовка соотношения пространства, времени и материи (у Лейбница вместо материи — объект) оказывалась предпочтительнее субстанциональной модели времени как «абсолютной длительности», пространства как не связанной со временем «абсолютной протяженности».

В области изучения биоса (жизни) в классической научной картине мира за основу принимается *эволюционная теория* (классический дарвинизм). Своеобразной формой редуционизма по отношению к этой теории является позитивистская концепция «космического эволюционизма» (Г. Спенсер), сводящая социальные процессы к биологическим. В целом научная картина мира на первом этапе ее формирования — это механико-математическая модель, редуцирующая сложные виды движения материи и сложные процессы в сфере идеального к более простым, очевидным, часто сугубо механическим процессам.

Неклассическая научная картина мира начинает формироваться под «валом» открытий в физике: специальная (СТО) и общая (ОТО) теории относительности А. Эйнштейна, квантовая механика Н. Бора и Э. Шредингера. На формирование новой картины мира влияют также изменения ментальности как в рациональных областях познания, так и в художественной сфере: теорема о неполноте К. Гёделя, «воображаемые геометрии» Лобачевского, Римана, пространство Минковского, лингвистические исследования Венского кружка, психоанализ Фрейда, неокантианская методология, модернизм в искусстве — все это знаки наступившего XX в., разрушившего стереотипы прозрачности научного текста, непогрешимости научных законов, ясности языка логики и математики, моральности искусства. Человечество в науке и культуре как будто заскользило по тонкому льду: вместо ньютоновской и декартовой ясности возникли метафорическая неясность в использовании терминов типа «квант», «фотон», «мнимое время ноль», «эдипов комплекс»; невозможность полной формализации научной теории (теорема К. Гёделя о неполноте), бесперспективность постановки «критического эксперимента» (П. Дюгем), размытость нравственных критериев и представлений о красоте (символ — черный квадрат Малевича).

В новой неклассической научной картине мира стали преобладать элементы фантазийности и метафоричности в описании реальности; математические модели мира выступили как не менее значимые, чем наблюдение и факт (например, математические модели Вселенной А.А. Фридмана); язык науки начал меняться в сторону размытости, неопределенности в переносах значений и вариативности. Итогом стала постановка вопроса о демаркации науки от ненауки уже во второй половине XX в., когда вопрос об истинности научного знания

был заменен вопросом о догматизме и антидогматизме знания (фальсификационизм К. Поппера).

Диалектики-материалисты (В.И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1908) попытались решить проблему «исчезновения» массы вещества в связи с распространением идеи энергетизма в физике, дав расширительное толкование материи как субстанции, способной принимать любые формы (в том числе энергии), но при этом всегда лишь обозначающей объективную реальность, однако физическая сущность, обозначенная этим понятием, осталась для ученого сообщества все-таки неизменной.

В СТО и ОТО сложилось представление о замкнутости Вселенной, мир и Вселенная перестали быть взаимозамещаемыми понятиями. ОТО диктовала признание связанности между собой пространства и времени — существование пространственно-временного континуума, получившего название «четвертого измерения» (времени). Для понимания такой метрики пространства и времени стала использоваться хроногеометрия, построенная на базе «воображаемых геометрий» Лобачевского и Римана, а также n -мерной геометрии Минковского. В неклассической картине мира остро встал вопрос о возникновении Вселенной и времени ее существования. Русский математик А.А. Фридман (1888–1925) сделал самостоятельные выводы из ОТО, не согласившись с Эйнштейном в том, что Вселенная должна иметь исключительно стационарный характер (у Эйнштейна Вселенная должна была носить характер стационарной замкнутой системы, имеющей форму четырехмерного цилиндра). Фридман отказался от постоянства радиуса кривизны пространства и вывел три возможных математических модели Вселенной. Одна из моделей — сингулярная — в конце концов получила благодаря открытию астрономом Хабблом эффекта «разбегания галактик» свое физическое обоснование и была названа Большой взрыв. Сейчас эти изменения в картине мира предстают как банальность, а в начале XX в. они носили «взрывной» характер.

В работе «Мир как пространство и время» А.А. Фридман писал: «В человеческой истории стремление «счесть звезды», иначе говоря, построить картину мира, никогда не давало людям покоя. В XX в. человек попытался снова... создать общую картину мира, ... напоминающую настоящий мир лишь постольку, поскольку тусклое отражение в зеркале схематического рисунка Кельнского собора может напомнить сам собор». Далее он пришел к выводу: «Все свойства материи (состоящей из электромагнитных процессов) получаются из геометрических свойств мира. Нет ничего, кроме этих геометрических свойств мира» [5].

В неклассической научной картине мира произошел отказ от тождества науки и закона, что было связано в основном с созданием

квантовой механики (КМ). «Кризис в физике» обычно связывают с заменой материализма на энергетизм или с терминологической неразберихой, вызванной возникновением новых направлений в науке. На самом деле, как представляется, в КМ было разрушено представление о непрерывности, связанное с соблюдением принципа причинности в ньютоновской механике. Возникла необходимость соединения несоединимого — квантовой механики и общей теории относительности.

Создатели квантовой механики (Бор, Шредингер, Планк и др.) показали, как стирается грань между субъектом и объектом в познании, ибо физическое действие на субэлементарном уровне всегда выступает как взаимодействие. При этом «наблюдающий разум» нельзя назвать «физической системой», так как он не может взаимодействовать с «произвольной физической системой». Это было названо принципом дополнительности (объект не всегда наблюдается непосредственно, но его «гештальт» — явление может быть зафиксировано при помощи прибора).

В гуманитарной сфере неокантианцы уже в первые годы XX в. остро поставили вопрос о двух методах в познании. Они почувствовали особую опасность социальных экспериментов на основе тех идеологий, которые может породить претендующая на научность (то есть объективность и в каком-то смысле непогрешимость) социальная теория. Неокантианцы смогли подчеркнуть: не все то, что объективно истинно, обладает статусом ценности для человечества.

Теперь в общих чертах и тенденциях попытаемся смоделировать современную картину мира.

В учебниках по истории и философии науки читаем, что современная наука «пока не может предложить универсальную теоретическую модель мира как целостной системы, а имеет дело с совокупностью частных моделей, каждая из которых удовлетворительно отражает свойства одного из фрагментов реальности; поэтому современную научную картину мира следует понимать как систему частных моделей» [7]. Очевидно, что такого рода моделирование должно нести на себе печать эклектики. Не спасают от эклектики ни сведение научной картины мира к физической картине мира (через констатацию того, что все физические законы имеют всеобщий характер, а это по меньшей мере сомнительно!), ни введение понятий «парадигма» и «научная революция» (Т. Кун) и выделение таких «парадигм» науки на пути формирования научных картин мира, как натурфилософская (преднаучная), механическая (научная классика), универсальная (современная) и т. д.

Реальность настолько же «физична», насколько метафизична, «поведение» частиц еще в 30-е гг. прошлого века заставило задуматься выдающихся ученых своего времени, таких как Шредингер, Эйн-

штейн и др., над исключенностью из физической реальности живых объектов с их непредсказуемой природой и малоисследованной энергетикой. Мы наблюдаем включенность в современную картину мира антропного принципа. Сочетание в ней мифологизма в форме наполненности современной цивилизации символикой гипертекстов с религиозными установками, ориентирующими процесс познания на интуитивизм, во многом является попыткой отойти от аристотелевской установки прозрачного описания отдельной вещи в системе субъектно-объектных отношений в сторону углубленного платонического постижения лабиринтов самого сознания. Указанный Хайдеггером «позэйсис», казалось бы, безнадежно утерянный европейской наукой, возвращается в форме своеобразной «антропозэйи» (М. Эпштейн) благодаря широко используемому синергетическому подходу в описании Вселенной и — более широко — мира. Существование современного человечества уже не в биосфере, но еще и не в ноосфере, а в техносфере налагает особый отпечаток на специфическую эклектику в описании современной картины мира.

Интересна и неординарна в этом плане концепция «футуросинергетики», предложенная космистом Л.В. Лесковым (1931–2006), означающая моделирование эволюции социальных систем методами нелинейной науки, «построение спектра альтернативных виртуальных сценариев». «Да, человек — самосознающий центр Вселенной, но он не вседержитель, не хозяин ее», — писал Лесков, выдвигая гипотезу о возможном существовании «космического конструктора» [7].

В современной картине мира, с одной стороны, присутствует древний мифологический подход рассмотрения мира в форме текста («гипертекста», «ризомы», научной метафорики), чему активно способствует использование разнообразных технических средств — от компьютера и планшета до телефонных SMS. С другой стороны, синергетический подход диктует обнаружение связи между такими областями знания, как наука, религия, искусство, причем синтез перечисленных областей знания по определению является для европейского сознания по преимуществу абсолютным противоречием, эклектикой — совмещением несовместимого.

Сегодня несомненно то, что русские философы (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский), как и русский космизм в целом, стояли у истоков такого рода эклектики. Из западных мыслителей, близких по своим воззрениям русским философам, особым образом выделяются американский «европеец» У. Джемс с его работой «Плюралистическая Вселенная», Тейяр де Шарден с выдвиганием идеи существования «точки Омега» и создатель трансперсональной психологии С. Гроф.

В рамках небольшой статьи невозможно проанализировать, как в современной картине мира преломляется мысль опередивших свое

время философов. Однако можно отметить, что возврат пантеистических воззрений на мир в наше время безусловно состоялся: в описаниях картины мира сегодня присутствуют (и довольно часто) такие термины, как «демиургос», «космический конструктор», «космический разум» и т. д.

Современными исследователями своеобразно интерпретируется антропный принцип. В частности, М.Н. Эпштейн справедливо отмечает в статье под названием «Антропоэя»: «То, что было метафорой, становится технической и биологической метаморфозой, сотворением новых видов жизни и разума» [8]. Далее он развивает мысль о том, что физика перестает быть изучением материального мира, она становится изучением поэзии человеческого мастерства, изобретательства, творчества; существование человечества в техносфере вызывает к жизни особую, «сверхсловесную» поэзию бытия, когда человек достраивает технику по своему образу и подобию, преодолевает себя, создавая сверхчеловеческие возможности в технике. Можно согласиться с автором в том, что современный человек как бы раздваивается на себя природного и себя, встроенного в мир собственных технических изобретений.

Таким образом, в современной картине мира присутствуют антропорфизм, но снабженный поэтикой технотворчества, и мифологизм, обусловленный метафоричностью современных научных исследований, ставящих сверхзадачи в постижении человеком и человечеством собственных механизмов существования и развития: таковы исследования «черных дыр» в астрофизике, генома человека в палеогеномике, архетипизма сознания в психологии и др. Если заглянуть за кулисы астрофизических исследований, то окажется, что даже «проблема образования Солнечной системы не имеет пока однозначного решения, хотя от него и зависит понимание внутреннего устройства Земли, планет и их спутников» [9].

Как уже было отмечено, в описании мира сегодня присутствует — в скрытом или явном виде — также религиозная составляющая, указывающая на связь («религаре») разнообразных видов энергий, на присутствии вектора разумности («сильный антропный принцип»), несмотря на кажущуюся стохастичность, в формировании из «хаоса» космоса. И наконец, можно констатировать, что два встречных процесса — технизация живых организмов и «очеловечивание» машин — приводят к глобализации современного человечества.

Постгуманист Р. Курцвайл в своих работах справедливо настаивает на том, что к концу XXI в. есть вероятность перехода эволюции человека в стадию эволюционирования механизмов и компьютерных систем как бы помимо самого человека [10]. Однако в этом случае возникает проблема спасения человека в его первоизданном виде, или,

по меткому замечанию М. Эпштейна, создается необходимость формирования «экологии человечества» [8].

Хорошо известная в истории философии концепция Л.Б. Паскаля рассмотрения человечества как одного «большого человека» (этой же точки зрения в России придерживался П.Я. Чаадаев) становится очевидностью нашего времени. Эта точка зрения на человечество и смысл его истории диктует совершенно особый взгляд на современную картину мира. Складывается некий психологический портрет современного человечества, в котором, как в одном человеке, сходятся и мирно уживаются как религиозные верования, так и научная аподиктика, причем одновременно с мифологизированным (творческим) сознанием. Эклектика такого сочетания не вызывает сомнений, однако именно такого рода эклектика глубоко эвристична.

Мир как будто замер перед новыми великими открытиями в науке, приблизившись к точке «бифуркации» в познании себя самого. Таков, как мне представляется, нерв современной науки, строящейся на парадоксах и порождающей продуктивно-творческую эклектику в описании картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Развитие образования в России* (национальный доклад на 43-й сессии Международной конференции по образованию в Женеве). Москва, 1992.
- [2] Еремеева А.И. *Астрономическая картина мира и ее творцы*. Москва, Наука, 1984.
- [3] Еськов К.Ю. *Удивительная палеонтология: теория Земли и жизни на ней*. Москва, Изд-во НЦ ЭНАС, 2007.
- [4] Дмитриев И.С. *Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи*. Санкт-Петербург, Алетейя, 1999.
- [5] Фридман А.А. *Мир как пространство и время*. Москва, Изд-во ЛКИ, 2009.
- [6] *Введение в историю и философию науки*. С.А. Лебедев, ред. Москва, Академический проект, 2005, с. 379.
- [7] Лесков Л.В. *Неизвестная Вселенная*. Москва, Проспект, 2007.
- [8] Эпштейн М.Н. *Антропозия. Творческое самоопределение человека. Философия человека*. Сб. ст. Таганрог, 2013, с. 7–25.
- [9] Костюкова Н.И., Михайленко Б.Г. *Физика Земли и Солнечной системы. Альманах современной науки и образования*. Тамбов, Грамота, 2011, № 12 (55), с. 37–44.
- [10] Ray Kurzweil. *The Age of Spiritual Machines*. New York, 1999.

Статья поступила в редакцию 01.12.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Кавинова И.П. Картина мира: философский анализ проблемы. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 12. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/208.html>

Кавинова Ирина Петровна окончила МГУ им. М.В. Ломоносова в 1983 г. Канд. филос. наук, доцент кафедры философии МГТУ им. Н.Э. Баумана. Автор 35

публикаций. Область научных интересов: исследование проблем интертекстуальной реальности; изучение феномена суицида в контексте современных социально-философских проблем; углубленное изучение педагогических методик преподавания философии в технических вузах; имеет страницу в Интернете: irinapk.pochtamt.ru; e-mail: irinapk@bk.ru

Worldview: Philosophical analysis of the problem

© I.P. Kavinova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The author investigates the problem of depicting constituent elements of worldview with its historical stages and current state in mind. The problem being pressing, the author strives to show controversial relation between the notions “worldview” and “reality phenomenon”. The article presents the modern worldview as “productive” by its creative potentials “eclecticism”.

Keywords: *worldview, myth, anthropomorphism, cyclical time, “time arrow”, mechanism, synergetics, falsification principles, eclectics, technosphere.*

REFERENCES:

- [1] *Razvitie obrazovaniya v Rossii* (natsional’nyi doklad na 43 sessii Mezhdunarodnoi konferentsii po obrazovaniyu v Zheneve) [Development of Education in Russia (National Report of the Russian Federation at the 43rd International Education Conference in Geneva, 1992)]. Moscow, 1992.
- [2] Eremeeva A.I. *Astronomicheskaya kartina mira i ee tvortsy* [Astronomic Worldview and its Creators]. Moscow, Nauka Publ., 1984.
- [3] Es’kov K.Yu. *Udivitel’naya paleontologiya: teoriya Zemli i zhizni na nei* [Amazing Paleontology: the Theory of the Earth and Life on it]. Moscow, ENAS SC Publ., 2007, 312 p.
- [4] Dmitriev I.S. *Neizvestnyi Nyuton. Siluet na fone epokhi* [Unknown Newton. Silhouette against the Background of the Era]. Saint-Petersburg, Aletheia Publ., 1999.
- [5] Friedman A.A. *Mir kak prostranstvo i vremya* [World as Space and Time]. Moscow, LKI Publ., 2009.
- [6] Lebedev S.A., ed. *Vvedenie v istoriyu i filosofiyu nauki* [Introduction to History and Philosophy of Science]. Moscow, Academic Project Publ., 2005, pp. 379.
- [7] Leskov L.V. *Neizvestnaya Vselennaya* [Unknown Universe]. Moscow, Prospekt Publ., 2007.
- [8] Epshtein M.N. *Antropoeiya. Tvorcheskoe samoopredelenie cheloveka. Filosofiya cheloveka* [Antropoeiya. Creative self-determination of man. The philosophy of man]. Taganrog, 2013, pp. 7–25.
- [9] Kostyukova N.I, Mikhailenko B.G. *Fizika Zemli i Solnechnoi Sistemy* [Physics of the Earth and Solar System]. *Al’manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. Tambov, Gramota Publ., 2011, no. 12 (55), pp. 37–44.
- [10] Ray Kurzweil. *The Age of Spiritual Mashines*. New York, 1999.

Kavinova I.P. Graduated from Lomonosov Moscow State University in 1983. Ph.D., assoc. professor of the Philosophy Department at Bauman Moscow State Technical University. Author of 35 publications. Academic interests: investigation of problems of intertextual reality; study of phenomenon of suicide in the context of the current socio-philosophical problems; in-depth study of pedagogical methods of teaching philosophy at technical higher education institutions. irinapk.pochtamt.ru; e-mail: irinapk@bk.ru